

Научная статья

УДК 343.848

doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).4.509-518

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ИСПРАВЛЕНИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Ольга Александровна Адоевская¹

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет), г. Самара, Россия, adoevskaya-olga@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическим основаниям изучения процессов исправления и ресоциализации осужденных. Обосновывается необходимость обращения к потенциалу методологии качественных социологических исследований в изучении этих процессов. Предлагается также использовать подход социального конструктивизма, чтобы выявлять представления осужденных и лиц, отбывших наказания, о процессах исправления и ресоциализации. Обосновывается вывод о том, что такие исследования помогают сфокусировать внимание на личности осужденного и его индивидуальных особенностях. Это особенно актуально в условиях становления института пробации в России. Именно акцент на личностных особенностях осужденных должен быть сделан при разработке индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, которые предусмотрены Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации».

Ключевые слова: исправление, ресоциализация, осужденный, исправительные учреждения, методология, качественные социологические исследования

Для цитирования

Адоевская О. А. О теоретико-методологических основаниях изучения исправления и ресоциализации осужденных // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32(1–4), № 4. С. 509–518. DOI: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).4.509-518.

Original article

ON THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING THE CORRECTION AND RE-SOCIALIZATION OF CONVICTS

Olga Alexandrovna Adoevskaya¹

¹ Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara University), Samara, Russia, adoevskaya-olga@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical and methodological foundations of studying the processes of correction and re-socialization of convicts. The necessity of addressing the potential of the methodology of qualitative sociological research in the study of these processes is substantiated. It is also proposed to use the approach of social constructivism to identify the ideas of convicts and persons who have served sentences about the processes of correction and re-socialization. The conclusion is substantiated that such studies help to focus attention on the personality of the convict and his individual characteristics. This is especially important in the context of the formation of the probation institute in Russia. It is the emphasis on the personal characteristics of convicts that should be made when developing individual programs of re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, which are provided for by the Federal Law "On Probation in the Russian Federation".

Keywords: correction, re-socialization, convict, correctional institutions, methodology, qualitative sociological research

For citation

Adoevskaya, O. A. 2024, On the theoretical and methodological foundations for studying the correction and re-socialization of convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 32(1–4), iss. 4, pp. 509–518, doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).4.509-518.

Изучение сложных вопросов исправления и ресоциализации осужденных с использованием социологических методов всегда было важным. Первая специальная перепись осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на территории РСФСР, была проведена в 1926 г. При этом, как пишет В. И. Селиверстов, «основное внимание уделялось социально-демографическим данным осужденных. Среди признаков уголовно-правовой характеристики выделялись только число судимостей, назначенный срок наказания, квалификация совершенного преступления. Данные, характеризующие осужденных во время отбывания наказания, не изучались» [1, с. 62–68]. О том, что необходимо актуализировать потенциал методологии качественных и количественных социологических исследований в изучении процессов исправления и ресоциализации осужденных с акцентом на их личности, отмечается в современных исследованиях [2, с. 69–70; 3, с. 10–14; 4, с. 355–360].

Качественные исследования в социальных науках относятся к исследованиям, которые фокусируются на вопросах «Почему» и «Как», а не «Что». Обычно используются такие методы, как интервью, наблюдения. Качественные методы применяются, когда необходимо получить данные о содержании мнений. Количественные исследования

направлены на изучение наблюдаемых явлений и обычно включают в себя статистические, математические методы для изучения данных. Такие методы используются, когда необходимо получить сведения о распределении мнений.

Обращаясь к теоретико-методологическим основаниям изучения исправления и ресоциализации осужденных, полагаем возможным использовать подход социального конструктивизма, с его помощью изучаются способы, применяя которые люди в процессе социального взаимодействия придают смысл окружающему миру. В частности, социальный конструктивизм фокусируется на понимании того, как определенные социальные явления принимаются за реальность [4, с. 201–240].

Как писали П. Бергер и Т. Лукман, «мир повседневной жизни – не только само собой разумеющаяся реальность, но и реальность, создаваемая людьми в их мыслях и действиях, переживаемая ими в качестве реального» [5]. Главный тезис теории авторов о том, что «социальная реальность как объективна, так и субъективна: социальная реальность независима от индивида, но представляет собой субъективный мир как результат творческого процесса индивида» [5].

В фокусе нашего внимания – смыслы, которые вкладывают в процессы исправления и ресоциализации те, кто отбывал наказание, их конструкты пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации, социальные явления, которые они принимают за реальность (как известно из науки, реальностей может быть много).

Обратимся к методологии качественных исследований, которые повышают осведомленность или помогают лучше понять конкретную группу или вид деятельности, по которым имеется мало информации, и являются более описательными и менее количественными, чем количественное исследование [6, с. 72]. Криминологи пишут, что первичные данные в качественных исследованиях можно собирать с помощью интервью, фокус-групп, рассказанных историй жизни, неструктурированных наблюдений и этнографических исследований, и каждый из этих методов будет определять, в большей или меньшей степени, способ, которым можно будет в последующем анализировать собранные данные [7, с. 271–297].

Представители критической криминологии, получившей развитие с начала 1960-х годов. [8, с. 10], акцентируют внимание на потенциале изучения «маргинализированных мнений» «социально незащищенных людей» в раскрытии предмета данной науки [7, с. 243–248]. Они убеждены в значимости «голосов осужденных» в данном процессе, которые часто недооцениваются в научных исследованиях и пенитенциарной политике. Как пишут ученые, «если вы хотите понять точку зрения тех, кого общество называет преступниками, ваша лучшая тактика – поговорить с ними лично. Это особенно верно в отношении труднодоступных групп населения, о которых мало что известно. К таким группам относятся осужденные и лица, отбывшие наказание. С помощью интервью можно собрать из первых рук рассказы об их мире, которые составляют их жизненный опыт, понять особенности их субкультуры» [7, с. 261–293]. Такие интервью позволяют выйти за рамки цифр, процентов или фактов и рассмотреть опыт отбывания наказания опрашиваемых на глубинном уровне, прийти к оригинальным выводам. Особо значимым в таких случаях становится интервью по истории жизни, в ходе которого респондент описывает «своими словами лиц, совершивших преступления, личностно-ситуативный контекст их поведения, их взгляды на более широкие социальные и исторические обстоятельства, в которые встроено поведение этих лиц» [7, с. 261–293]. Это то, чего количественными методами никогда нельзя достичь.

Российские криминологи еще в 1990-х годах указывали на то, что при изучении преступного поведения нельзя «игнорировать «живого» преступника со всеми его страстями и нуждами... спецификой индивидуального облика» [9]. И в настоящее время в работах таких исследователей, как Е. А. Антонян, Д. А. Корецкий, сделан акцент на значимости качественных исследований в изучении личности преступника [2, с. 69; 3, с. 10–14]. Ученые пишут, что необходимо «актуализировать потенциал качественных исследований в изучении ИУ, включении в данный процесс самих осужденных и бывших осужденных как акторов» [10, с. 102–108]. Обращается внимание на потенциал полуструктурированного интервью в изучении исправления и ресоциализации осужденных и бывших осужденных. При этом подчеркивается, что полуструктурированное интервью является гибким, позволяет тем самым менять стратегию исследования, а также находить новые и непредвиденные аспекты изучаемых вопросов. Так, во время интервью респонденты могут выйти за рамки задаваемых вопросов и предложить другие неожиданные повороты в беседе, например, рассказать о случаях коррупции в исправительных учреждениях, о жизни в реабилитационном центре, почему они там оказались («жить идти некуда, отсюда только на кладбище или обратно в тюрьму»), о роли религиозных объединений в подготовке осужденных к освобождению («сейчас церковью настроили много, а верующих мало»), о сложностях постпенитенциарной ресоциализации (Как помощь получить кто-нибудь из нас знает? Понятия не имеет...) и пр.

Использование метода полуструктурированного интервью позволяет лучше «разморозить» бывших осужденных, среди которых немало не очень разговорчивых, немногословных рассказчиков с низким уровнем доверия к окружающим. Какие бы возможности для исправления и ресоциализации ни были предоставлены, их успех и результат во многом зависят от отношения к ним самих осужденных.

Сегодня результативность исправления и ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях (ИУ) подвергается сомнению, что нашло явное отражение в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации». Текст данного Закона позволяет обратить внимание, в частности, на особенности личности бывших осужденных, их возрастного состава, семейного положения, образовательного уровня, статей и сроков отбывания уголовного наказания, а также связанную со спецификой данного портрета мотивацию к освобождению и ресурсы, используемые ИУ в процессе исправления и ресоциализации этих лиц.

В условиях становления института пробации в России представляется важным услышать мнение самих осужденных касательно процесса их ресоциализации. В современных исследованиях недостаточно внимания уделяется взаимосвязи конструкторов бывших осужденных, используемых ими при описании процессов исправления и ресоциализации в ИУ, и их социального портрета. Практически отсутствуют исследования представлений бывших осужденных о факторах их ресоциализации в ИУ, контекстах данного процесса, а также о месте и роли школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях (ШПО) в исправлении и ресоциализации осужденных. Полагая, что исследование данных вопросов поможет выработать научно-практические рекомендации по вопросам совершенствования подготовки осужденных к освобождению от отбывания наказания.

Важным и интересным с научной точки зрения представляется интервью с бывшими осужденными, которые прошли через все этапы пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации и имеют различный опыт реинтеграции в общество. В

рамках проведенного исследования о подготовке осужденных к освобождению и жизни после наказания автором работы в составе исследовательской группы (Н. П. Щукина, И. Т. Идрисов) опрошено методом интервью 28 лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Среди них как лица без определенного места жительства, ставшие клиентами социальных служб временного и стационарного содержания, так и лица, не имеющие такого статуса, возвращающиеся в собственные семьи, свой дом. В исследовании использовалась целевая выборка с акцентом на принципе максимальной вариации при отборе респондентов. Что касается числа интервьюируемых респондентов, то ученые полагают, что для качественных исследований достаточно опросить от 10 до 30 чел. [7, с. 261].

Полуструктурированное интервью, взятое нами у бывших осужденных, состояло из 5 блоков вопросов, сформулированных по следующим темам: «Подготовка к жизни после наказания», «Место и роль ШПО в ресоциализации осужденных»; «Субъекты ресоциализации осужденных»; «Основные средства исправления осужденных» и тема, связанная с гипотетическим вопросом «Если бы был я был начальником ИУ...». В настоящей статье проанализируем ответы бывших осужденных по темам «Подготовка к жизни после наказания», «Место и роль ШПО в ресоциализации осужденных».

Один из вопросов темы «Подготовка к жизни после наказания» был следующим: «Какая из получаемой в ИУ помощи в подготовке к жизни после наказания была наиболее полезной для Вас?». Большинство респондентов подвергали сомнению результативность такой помощи в целом (при транскрибировании интервью использовалась дословная транскрипция): «Какая там помощь? Никакой помощи. Освободиться бы, но там бухгалтерша запила. Ладно, там соцработник (называется ее имя. – О. А.) она помогла» (Валерий, 71 год); «Никакой там помощи, работы не проводились. 700 руб. дают там по освобождению, но это, по-моему, всем дают, как освобождаешься» (Михаил, 60 лет); «Нет, ничего не было. Вот за день в спецотдел пришел, то есть за 3 дня до освобождения и все» (Александр, 50 лет); «Помощь не оказывали. Научился самостоятельно зарабатывать» (Виктор, 66 лет); «Никакой. Я не нуждался в ней вообще...» (Даниил, 41 год); «Там требуется несколько иная подготовка человека к воле, нежели то, о чем мы с вами говорили» (Виталий, 42 года). Как видно из ответов, подготовка осужденных к освобождению, проводимая в соответствии с законодательством РФ, не ассоциируется у них с помощью в подготовке к жизни после освобождения из ИУ.

В настоящее время подготовку осужденных к освобождению «в целях создания предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы» проводит группа социальной защиты осужденных (п. 13 Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262). В связи с этим бывшим осужденным был задан вопрос о том, какую роль, на их взгляд, играет взаимодействие осужденных с социальным работником? Большинство респондентов дали весьма общий ответ на данный вопрос. Некоторые из них не смогли отличить этих специалистов от других сотрудников ИУ или коротко отвечали: «Ну, выполняют свою работу» (Александр, 50 лет); «Работают, нормально» (Сергей, 55 лет).

Участие в подготовке осужденных к освобождению принимает психолог, поэтому бывшим осужденным был также задан вопрос о том, какую роль, на их взгляд, играет взаимодействие с психологом? Большинство из них выразили недоверие к психологам, которые действовали «для отдела», а не исключительно в интересах отдельных

осужденных: «Я больно не доверяла, не верила, все не рассказывала» (Катя, 30 лет); «Лучше сходить к священнику, чем к психологу, потому что, идя к психологу, ты идешь в тот же штаб из-за которого постоянно нервничаешь. Смысл от психолога? Вопросы зададут, анкету заполнить?» (Сергей, 47 лет); «Ну психолог приехал с управления. Больно им надо в чьих-то душах копаться» (Валерий, 71 год); «Ну я сам к психологу никогда не обращался. Психолог сам регулярно приходил в отряд. Ну, он приходил для чего? Чтобы напомнить еще раз всем и себе в том числе, что он там есть, что он деньги не зря получает. И все, не более того. Потому что психолог, я тоже не раз видел эти ситуации, с другими осужденными разговаривал, когда психолог себя ведет иной раз не как психолог, то есть, он выполняет совершенно другую задачу... являясь одной из единиц общей администрации» (Виталий, 42 года). Обращение к опыту зарубежных стран показывает, что проблемы с оказанием психологической помощи осужденным являются наиболее распространенными.

Что касается непосредственной подготовки осужденных к освобождению, то за шесть месяцев до истечения срока лишения свободы социальные работники, психологи, другие работники ИУ, а также приглашенные специалисты организуют занятия в ШПО (п. 3 Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения). В связи с этим несколько вопросов интервью было посвящено месту и роли ШПО в исправлении и ресоциализации осужденных. Респондентам было предложено рассказать, что они знают про школу подготовки осужденных к освобождению? Посещали ли они такую школу? Чем реально помогает такая школа осужденным? А что в работе таких школ является излишним? Ответы были удивительно одинаковыми для разных осужденных. Как выяснилось, школа у большинства опрошенных бывших осужденных ассоциируется с общеобразовательной школой: «Про школу? Вот в Спиридоновке гуманитарный университет, там платные курсы учились от авиационного техникума. На швейные я только ходил и все, чтобы время убить...» (Валерий, 71 год); «Ну там учатся, хорошо. Кто-то сам идет, 10, 11 класс заканчивают, сами идут. Там и училища есть, хочешь там профессии можно всякие заработать. Там на этот счет все, там тоже хорошие учителя, тоже приходят» (Сергей, 47 лет); «Я там 11 классов закончил» (Александр, 83 года); «Я лично проучился там, чтобы не слоняться туда-сюда, там ты отдыхаешь, как гражданский человек. Курсы на маляра окончил...» (Руслан). Несколько респондентов ответили, что про ШПО не слышали: «Нет, про школу не слышал» (Александр, 50 лет); «Нет, че это такое вообще?» (Катя, 30 лет); «Ничего не знаю про такую...» (Даниил, 41 год); «Когда я сидел никаких ни школ, ничего не было...» (Анатолий, 86 лет). Только один из опрошенных респондентов ответил: «Есть там эта школа... галочку ставили и все. Была там. Лекции, консультации о ВИЧ, как там таблетки пить, о здоровом образе жизни. Интересно было иногда...» (Наталья, 26 лет).

Данные качественных исследований вписываются в рамки количественных исследований, проведенных нами ранее. В рамках социального образовательного проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» были опрошены 375 респондентов. Из них 275 чел. из двух колоний: ФКУ ИК-5 (ИК общего режима) и ИК-6 ГУФСИН России по Самарской области (ИК строгого режима). Вторую группу опрошенных составили 100 чел., отбывших уголовное наказание и освобожденных от него [11, с. 274–282]. Респондентам – участникам опроса были заданы вопросы относительно их участия в работе школы подготовки осужденных к освобождению и

оценки ее работы. Выяснилось, что от 70 до 80 % респондентов не посещали ШПО, а многие о ней не слышали.

Таким образом, первые результаты проведенного исследования показывают, что подготовка осужденных к освобождению в исправительных учреждениях в представлениях самих осужденных является недостаточной. Обращение к нормативным актам, регулирующим подготовку осужденных к освобождению в исправительных учреждениях, также показывает, что эта работа урегулирована неполно и часто носит формальный характер. Например, в Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (утв. приказом Минюста России от 13 января 2006 г. № 2), закреплено, что подготовка к освобождению лиц, отбывающих наказание, включает в себя индивидуальные беседы с осужденными об их жизненных планах после освобождения (о предполагаемом месте проживания, трудоустройстве и т. д.). Получается, что подготовка к освобождению, к жизни после наказания ограничивается проведением бесед на абстрактные темы.

Что касается организации работы ШПО, то в нормативных актах и ведомственных инструкциях отсутствует правовое регулирование ее работы, не разработаны образовательные программы; требования к составу специалистов, которые должны проводить занятия, регламент их обязанностей и т. д. Полагаем, что это также препятствует эффективной работе таких школ. Ранее мы писали о возможных способах решения этих проблем [12, с. 156–164].

Относительно недостаточного взаимодействия осужденных с социальными работниками и психологами полагаем, что одной из причин является неукомплектованность исправительных учреждений этими и другими специалистами. О том, что имеет место большой отток кадров из уголовно-исполнительной системы, в октябре 2023 г. отмечала аудитор Счетной палаты С. Орлова на заседании Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам в ходе рассмотрения проекта федерального бюджета на 2024 г. и плановый период 2025–2026 гг. в части госпрограммы «Юстиция». С. Орлова указала на то, что «за последние пять лет уволилось более половины фактической численности сотрудников. При этом 93 % их них не достигли предельного возраста. Неукомплектованность учреждений уголовно-исполнительной системы по итогам 8 месяцев этого года составила в среднем более 19,5 %»¹. Ученые также пишут о том, что «некомплект штатной численности УИС продолжает увеличиваться, что негативно отражается на функционировании системы» [13, с. 33]. В самом деле, нагрузка на психологов и сотрудников групп социальной защиты с каждым годом возрастает. Но результативная работа по данному направлению затруднена в условиях, когда в большинстве исправительных учреждений в составе группы социальной защиты только специалист по социальной работе и (или) инспектор по трудовому и бытовому устройству осужденных и один-два психолога, в то время как в среднем в ИУ содержатся 500–600 чел.

Обобщение служебных материалов о состоянии воспитательной, социальной и психологической работы в УФСИН России по Самарской области за 2018–2022 годы по результатам ведомственного контроля показало, что в организации психологической работы с осужденными в исправительных учреждениях было выявлено существенное превышение нормативно определенной нагрузки на одного психолога. Так, средняя

¹ См.: URL: <https://ach.gov.ru/news/svetlana-orlova-oboznachila-problemnye-zony-v-sfere-uis> (дата обращения: 15.04. 2024).

нагрузка на одного психолога при норме 300–350 составляла от 384 до 632 в разных видах исправительных учреждений. Таким образом, вопросы, связанные с укомплектованностью исправительных учреждений и повышением социальных гарантий их сотрудникам, которые испытывают нагрузки больших объемов, требуют первоочередного внимания и решения.

В целях эффективной подготовки осужденных к освобождению надо особо отметить предложения о необходимости разработки индивидуальных программ по работе с осужденными с учетом их личностных особенностей [14, с. 13–107]. Содержание и цель таких программ различаются в зависимости от вида совершенного преступления, личности преступника, ресурсов исправительных учреждений и т. п. Однако эти программы включают в себя преимущественно образование, профессиональную подготовку и трудоустройство, психологические или поведенческие меры, а также помощь в решении проблем алкоголизма, наркомании, иных зависимостей участников этих программ [15, с. 214].

Ученые давно писали о том, что исправительная система России нуждается «в научно обоснованных программах формирования правопослушной личности...» [16, с. 4]. При этом указывали на то, что «действующие средства исправления и пенитенциарные механизмы слабо ориентированы на личность правонарушителя, не в полной мере учитываются его индивидуальные, психолого-этнические особенности, степень нравственной запущенности, тяжесть совершенных преступлений и т. д.» [16, с. 51].

Разработка индивидуальных программ по работе с осужденными на основании комплексного изучения их личности предусмотрена в Положении о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы. Но на практике изучение личности осужденных сводится к составлению их социального портрета, включающего в себя возрастную и половую принадлежность, семейное положение, образовательный уровень, тяжесть и вид совершенного преступления, наличие рецидива преступлений, а также вид и срок уголовного наказания. Тогда как изучение личности осужденного должно «включать в себя познание характера, темперамента, особенностей мышления и других психологических черт, навыков, умений, знаний; отношения к окружающему миру и самому себе; нравственных черт, состояния здоровья и его влияния на личность и поведение; социальных и психологических аспектов жизненного опыта; мотивов совершенного преступления и мотивов поведения в период отбывания наказания» [17, с. 276].

Полагаем, что именно на изучении личностных особенностей осужденных, а не их социального портрета должно быть сосредоточено внимание специалистов при разработке индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, которые предусмотрены Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации».

В заключение отметим, что исправление осужденных и «успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения» [18, с. 276]. В связи с этим особую важность приобретает обращение к методологии не только количественных, но и качественных социологических исследований в изучении исправления и ресоциализации осужденных. Именно эти исследования помогают сфокусировать внимание на личности осужденного и его индивидуальных особенностях, что особенно важно в условиях становления института пробации в России.

Список источников

1. Селиверстов В. И. Специальная перепись как метод исследования личности осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 4(30). С. 62–68.
2. Антонян Е. А. Личность рецидивиста. М. : Юрлитинформ, 2018. 259 с.
3. Корецкий Д. А. Оценка личности преступника в теории и практике // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 3–20.
4. Maxfeld, M. G. & Babbie, E. R. 2018, *Research Methods for Criminal Justice and Criminology*, Boston.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
6. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб. : Алетейя, 2009.
7. Davies, P. & Francis, P. 2018, *Doing Criminological Research*, SAGE Publishing, London.
8. Шестаков Д. А. Право и демократия : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2004. Вып. 15. 318 с.
9. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений М. : Юрист, 1996. 336 с.
10. Щукина Н. П. Криминология осужденных в российском дискурсе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 102–108.
11. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : монография / под ред. Т. В. Кленовой М. : Юрлитинформ, 2019. 431 с.
12. Адоевская О. А. Подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания как механизм ресоциализации и реального включения их в гражданское общество // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(1–4), № 2. С. 156–164.
13. Грушин Ф. В. Уголовно-исполнительная система: новые вызовы : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь, 2024.
14. Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2020. 365 с.
15. Социология. Основы общей теории : учебник / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2003. 911 с.
16. Алферов Ю. А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных. До-модедово : РИПК работников МВД РФ, 1994. 205 с.
17. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 345 с.
18. Антонян Ю. М. Личность преступника. СПб : Юрид. центр Пресс, 2004. 364 с.

References

1. Seliverstov, V. I. 2018, 'Special census as a method of studying the personality of convicts', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 4(30), pp. 62–68.
2. Antonyan, E. A. 2018, *Personality of a repeat offender*, Yurlitinform, Moscow.
3. Koretsky, D. A. 2023, 'Assessment of the criminal's personality in theory and practice', *Ural Journal of Legal Research*, iss. 3, pp. 3–20.
4. Maxfeld, M. G. & Babbie, E. R. 2018, *Research Methods for Criminal Justice and Criminology*, Boston.

5. Berger, P. & Lukman, T. 1995, *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*, Medium, Moscow.
6. Steinberg I., Shanin T., Kovalev E. & Levinson A. 2009, *Qualitative methods. Field sociological Research*, ed. by I. Steinberg, Alethea, St. Petersburg.
7. Davies, P & Francis, P. 2018, *Doing Criminological Research*, SAGE Publishing, London.
8. Shestakov, D. A. 2004, *Law and democracy: collection of scientific works*, iss. 15, BSU, Minsk.
9. Antonyan, Yu. M., Enikeev, M. I. & Eminov, V. E. 1996, *Psychology of the criminal and investigation of crimes*, Lawyer, Moscow.
10. Shchukina, N. P. 2021, 'Criminology of convicts in Russian discourse', *Legal Bulletin of Samara University*, vol. 7, iss. 4, pp. 102–108.
11. Klenova, T. V. (ed.) 2019, *Resocialization and real inclusion in civil society of convicts: monograph*, Yurlitinform, Moscow.
12. Adoevskaya, O. A. 2019, 'Preparation of convicts for release from serving their sentence as a mechanism of re-socialization and their real inclusion in civil society', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 156–164.
13. Grushin, F. V. 2024, Penal system: new challenges', in *Collection of materials of the XI International Scientific and practical Conference dedicated to the 145th anniversary of the penal system of the Russian Federation*, Perm.
14. Seliverstov, V. I. (ed.) 2020, *Social adaptation (resocialization) of persons released and released from correctional institutions: the results of a theoretical study*, Jurisprudence, Moscow.
15. Osipov, G. V. & Moskvichev, L. N. (eds) 2003, *Sociology. Fundamentals of general theory: textbook*, Norma, Moscow.
16. Alferov, Yu. A. 1994, *Penitentiary sociology and re-education of convicts*, Domodedovo.
17. Antonyan, E. A. 2014, *The personality of a repeat offender: criminological and penal investigation: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
18. Antonyan, Yu. M. 2004, *The identity of the criminal*, Law Center Press, St. Petersburg.

Информация об авторе

О. А. Адоевская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

O. A. Adoevskaya – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the criminal law and criminology. department

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 22.11.2024..